

ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ МУНДИРА

АРМИЯ

Женщина стояла в коридоре Дзержинского суда и, обхватив голову руками, кричала. Кричала от ужаса и беспомощности. Прошло почти шесть лет со дня гибели сына. Эти годы ушли на беспросветные поиски правды. Она уже не надеется, что виновные будут наказаны...

СОЛДАТУ – ГРОБ, ЗАМПОЛИТУ – ВЫГОВОР

Рому Соловьева убили в армии. В мирное время. Такое в последнее время случается с ужасающей регулярностью. Уходил здоровым, а вернулся в цинковом гробу.

«Да, да. Ваш сын умер от внезапной остановки сердца. Приезжайте, забирайте тело», — нагло ввали в телефонную трубку военные чины. А чуть позже прислали результаты вскрытия, где сообщалось, что причина смерти рядового Романа Соловьева — пневмония и что он умер в состоянии алкогольного опьянения. И только спустя месяцы, когда матери удалось преодолеть невероятные препятствия и добиться повторной независимой экспертизы, ложь всплыла. Истинная причина — неуставные отношения. Сколько сил и средств ушло на то, чтобы доказать очевидное! Но, как оказалось, это было только начало.

Все формальности были, вроде бы, соблюдены. Виновного «деда» по приговору Наро-фоминского военного суда отправили в колонию на четыре года. Присудили выплату моральной и материальной компенсации — около девяноста тысяч.

Но выпустили сидельца раньше времени. Последняя стадия туберкулеза — так пояснили Алевтина Сергеевна, матери Романа. А когда та, пытаясь получить причитающиеся ей деньги, собра-

лась с силами и позвонила в Москву, у больного нашлось достаточно сил, чтобы обложить ее матом и швырнуть трубку.

Все руководство части и непосредственные начальники Романа благополучно сохранили свои посты. Начальник части провел внутреннее расследование, нашел виновных — ротного и замполита, и объявил им выговоры. Сам же начальник невиновен, решили в прокуратуре. Да и никакого подлога документов с диагнозом не было. Это просто эксперт малоквалифицированный попался. Что поделата, врачебную ошибку исключить нельзя...

Так и не дождавшись выполнения решения Наро-фоминского военного суда, Алевтина Сергеевна решила призвать к ответу государство. Иск о возмещении морального вреда рассматривается сейчас в Дзержинском суде.

«У МЕНЯ ВСЕ ХОРОШО»...

— Как мы не хотели, чтобы Ромка шел в армию! Дочка предложила даже снять ему квартиру. Он отказался, сказал, что не будет прятаться, как крыса. Летом 1997 года его отправили в часть под Москву, в Домодедово. В учебке все было нормально, никаких жалоб. Когда перевели в часть, даже отпустили в увольнение. А спустя неделю, как уехал, женщина из соседнего двора — у нее сын тоже был в этой части — рассказала, что мальчишек бьют. Я собрала продукты, вещи — и к нему. А он только улы-

бался: «Ты что, мама. У меня все хорошо». Когда дело шло уж к декабрю, послала телеграмму на переговоры. Никакого ответа. Пышала вторую, тот же результат. Под Новый год сама поехала в часть. Думала, если отпустят домой, вернемся вместе, а нет, так вдвоем встретим праздник. Отпустили, в Новый год был

вместе с друзьями. Уезжал такой счастливый и довольный. А спустя три дня, 5 января утром, без пятнадцати одиннадцать, звонок из части: ваш сын умер от внезапной остановки сердца. У меня стены перед глазами поплыли...

Как следовало из результатов вскрытия, которые прислали родным через несколько недель, при-

чиной остановки сердца оказалась пневмония. Скорбим, мол, вместе с вами, но виноватых нет...

— Как же ротный, сопровождавший гроб, испугался, когда сосед сказал, что необходима повторная экспертиза! — вспоминает сестра Романа. — И слова подходящие сразу нашел: «А вы подумали, что будет с вашей мамой, если делать повторное вскрытие? Поберегите ее нервы». До сих пор себе не могу простить, что послушалась. А у братишки были глаза широко открыты и рот, словно сказать что-то хотел.

И начались бесконечные поиски правды. Обращения в многочисленные кабинеты, адвокаты, равнодушные чиновники, перекошенные от злобы лица...

Через полгода Соловьевым все же удалось добиться проведения повторной экспертизы, которая и установила, что смерть наступила в результате сильного удара в область сердца. Потом выяснили и имя виновного.

«ДЕДЫ» ЕСТЬ, А ДЕДОВЩИНЫ НЕТ

— Дедовщины у меня в части нет. Это единственный случай, — до сих пор утверждает командир воинской части 41600 полковник Владимир Кузьмин. — В этом деле слишком много неточностей и разговоров. 5 января сразу после обеда в кабинете раздался звонок. Я бегом на место происшествия. Сам видел, как парня несли на плащ-палатке через поле. Сразу вызвали двух врачей. Они искусственное дыхание ему делали, но спасти не смогли. Ни одного ушиба, ни одного синяка на нем не было. А то, что обвиняют в фальсификации результатов экспертизы, так ее делал не я, а эксперт-анатом. Он, возможно, и ошибся.

А еще бравады командир чрезвычайно удивлялся, почему же товарищи рядового Соловье-

ва такие недружные оказались? Ведь всех допрашивали в прокуратуре, а они молчали. И как такое могло быть?

Только товарищи Романа долго молчать не смогли. Сначала один, а позже и остальные рассказали правду.

Все произошло в считанные секунды. Рома и еще один парень отработывали наряд «деда» Равчеева, когда сам «именинник» влетел в помещение. Он либо был пьян, либо наркотиками обкололся (что тоже не редкость в наших частях) и с остекленелыми глазами понесся на ребят. Еще мгновение — и от резкого удара в область сердца Рома естественно согнулся и упал.

— Ребята мне потом рассказывали, что он целый час на полу пролежал, к нему никого не подпускали. И говорить что-либо запретили. Командиры несколько дней звонили, все уточняли, во сколько похороны. А тело привезли за полчаса до похорон, чтобы лишний расспросов не было.

СПРАВКА О СТРАДАНИЯХ

За эти годы Алевтина Сергеевна уже привыкла к тому, что из каждого кабинета ее норовят выставить. И с молчаливым упорством добывается своего. Она не работает, здоровье не позволяет. Но почти каждый день ходит на могилу к сыну. И плачет, лишь кто-то в разговоре неосторожно коснется запретной темы. Она практически слепа. И до сих пор вскакивает ночами от кошмарных снов...

Как сама признает, после суда над Равчевым тяжбу продолжать не думала. Но когда поняла, что, по сути дела, никто не наказан, написала исковое заявление.

— Во время суда в Наро-Фоминске прокурор клялся мне, что командиров привлекут к уголовной ответственности. Кругом ложь...

Иск на возмещение морального ущерба Алевтина Сергеевна предъявила к Федеральному

казначейству и Министерству финансов: по закону именно они несут финансовую ответственность за должностных лиц. Приступовали на суде, помимо сотрудницы казначейства, и командир части, и представитель Министерства обороны.

К слову сказать, за время, прошедшее с 5 января 1998 года, встреча матери Ромы и его командира — первая. До сих пор настоящий полковник от этого с легкостью уклонялся. Сам по телефону назначал встречу — и не приходил. А Алевтина Сергеевна ехала в часть, чтобы ни с чем вернуться обратно.

Речи военных и гражданских чиновников на суде были удивительно односложны: с иском не согласен, виновный Равчев уже наказан. Но все они разом потупили глаза, когда Алевтина Сергеевна, не выдержав расспросов, зарыдала. Никто не посмел посмотреть на нее...

Процессуальные тонкости могут довести до ручки и пышущего здоровьем человека, а здесь измотанная женщина, вздумавшая тягаться с государством, вина которого перед ней неизмеримо огромна. Но столь же неизмеримо желание чиновников доказать, что это не так. Да, в армии всегда есть место несчастным случаям, но почему же виновные в фальсификации документов должностные лица по-прежнему сидят на своих местах? О каком воспитании патриотизма вообще можно говорить, если наше государство первым нарушает законы? Да и сами законы словно созданы для того, чтобы добыть несчастную мать. «А чем вы, Алевтина Сергеевна, подтвердите свои страдания из-за смерти сына? Какие документы можете предоставить?»...

И суд отложен. Для поиска новых документов, подтверждающих страдания матери убитого солдата.

Марина НИКИТИНА